

Ж.В. Кагазежев

Кабардинские курганные захоронения на территории среднего и нижнего Притеречья

Ж.В. Кагазежев*

Территория среднего и нижнего Притеречья в эпоху позднего средневековья была густо заселена восточными адыгами. Они занимали в основном равнинную часть современной Ингушетии, Чечни и Дагестана в нижнем течении р. Терек. Здесь располагались восточные части кабардинских удельных княжеств Талостаней и Джилахстаней и полностью Идарей. Данные археологии указывают на наличие кабардинской курганной культуры на территории среднего и нижнего Притеречья уже в XIV в. Здесь наблюдаются многочисленные курганные могильные захоронения, известные у вайнахов как «чергси каш барц» (черкесские могильные холмы).

Предлагаем статистику основных археологических работ по исследованию кабардинских курганов, проведенных на территории среднего и нижнего Притеречья. Еще в 1879 г. профессор В.Б. Антонович в ходе подготовки к V археологическому съезду в Тифлисе раскопал кабардинские позднесредневековые курганы в различных пунктах Северного Кавказа, в том числе 6 курганов у ингушского селения Назрань, на правом берегу р. Назранки. Изданием материалов этих раскопок с подробным описанием, таблицами и рисунками было фактически положено начало изучению собственно кабардинских древностей в равнинной зоне Ингушетии, интересующей нас. Общее количество курганов осталось неизвестным. Тогда же вблизи станицы Кантышевской (современ. Кантышево, Ингушетия. – **Ж.К.**) кабардинский курганный могильник, состоящий из 33 захоронений, исследовался В.Л. Беренштамом [2]. Могильник расположен по обе стороны шоссеной дороги, ведущей из вышеуказанного селения в Назрань.

В.И. Долбежев [3] провел аналогичные работы у станицы Нестеровской, селений Пседах и Кескем. В то же время у ст. Николаевской делал раскопки А.Н. Грен [4]. Интересно, что часть покойников в захоронениях лежала не на спине,

как чаще всего встречалось, а на правом боку. Такой способ захоронения объясняется проникновением в среду кабардинцев ислама, т. к. класть умерших на правый бок является мусульманским обычаем.

А.В. Мачинский совместно с сотрудником Государственной Академии истории материальной культуры А.П. Кругловым [5] произвел раскопки кабардинских курганов в районе чеченского селения Ачхой-Мартан и на берегу реки Фортанги. В 1936 г. во время археологического обследования территории Чечено-Ингушетии А.Н. Круглов зафиксировал могильник, расположенный на западной окраине сел. Ачхой-Мартан, на правом берегу р. Фортанги. Могильник состоял из нескольких десятков насыпей, из которых он раскопал одну. Курганные кабардинские некрополи в бассейне р. Сунжа неоднократно подвергались фиксации и раскопкам: Л.П. Семеновым (сел. Барсуки, Плиево, Яндырка – 1925 г.), Г.В. Подгаецким (сел. Ачхой-Мартан, Карабулак – 1936, 1938 гг.).

Большую работу в исследовании истории кабардинцев и всего Северного Кавказа проделал известный археолог и кавказовед профессор Е.И. Крупнов [6]. Он провел раскопки на территории Ассинского ущелья в Чечне. В 1937 г. на территории Чечено-Ингушетии в процессе разведочных работ Е.И. Крупновым был открыт могильник, расположенный в 1,5 км к северо-западу от сел. Альхасте (ныне Краснооктябрьское. – **Ж.К.**). Здесь им было исследовано 2 кургана. В 1938–1939 гг. кабардинские курганы были раскопаны близ сел. Альхасте и станицы Нестеровской. В 1959–1960 гг. в окрестностях сел. Ачхой-Мартан и Бамут в Чечне были исследованы десятки кабардинских курганов [7]. У сел. Бамут они представляли собой две большие группы. На северо-восточной окраине сел. Бамут, вдоль правой стороны дороги, ведущей из сел. Ачхой-Мартан в сел. Бамут, расположен могильник, насчитывающий до 50 насыпей.

* Кагазежев Ж.В. – к. и. н., научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительстве КБР и Кабардино-Балкарского научного центра РАН.

В 1959–1960 гг. Р.М. Мунчаев с участием М.Х. Багаева раскопал здесь 16 курганов [8]. На самом краю террасы левого берега р. Фортанги, на расстоянии 0,5 км к северо-западу от вышеописанного могильника, расположена аналогичная курганная группа, из которой в те же годы Р.М. Мунчаевым были исследованы 10 курганов.

В 60–70-х гг. усилиями археологов на территории Чечено-Ингушетии были открыты еще пять кабардинских могильников – у сел. Карабулак, Плиево, Ачхой-Мартан, Сурхахи (два могильника) [9]. Курганная группа, состоящая из 50 насыпей, была зафиксирована Х.М. Мамаевым и Р.А. Даутовой в 2 км восточнее сел. Али-Юрт [10]. В 1978–1983 гг. В.Б. Виноградовым, Х.М. Мамаевым, Р.А. Даутовой были проведены ряд раскопок кабардинских курганных могильников на территории Чечено-Ингушетии (сс. Яндырка, Али-Юрт, Газы-Юрт, Сурхахи.). В окрестностях ряда названных населенных пунктов обследованию подверглось по 2–3 однотипных курганных поля. Существование таковых у селений Намурзиево, Плиево, Сурхахи, Яндырка, Кантышево и др. подтверждено в 2000 г. в ходе осмотра сотрудниками Археологического центра при Министерстве культуры Республики Ингушетии.

Проведенные исследования нуждались в определенной систематизации. Первые сводки кабардинских могильников, открытых на территории современной Чечни и Ингушетии, были произведены Е.И. Крупновым и Р.М. Мунчаевым, В.Б. Виноградовым и В.И. Марковиным. Много позднее попытка обобщения таковых (в границах широкого расселения кабардинцев) была предпринята А.Х. Нагоевым. Он привел сведения о 14 курганных группах в равнинной части бассейна Сунжи. По сведениям В.Б. Виноградова [11], их количество на порядок больше. Характеризуя кабардинские курганные могильники восточной Кабарды, М.Х. Багаев отмечал: «Принадлежность данных могильников к адыго-кабардинским древностям в настоящее время можно считать доказанным. Они представляют собой курганные насыпи формы полушария небольших размеров и зачастую обложены камнями. Располагаются курганы обычно группами от нескольких десятков до нескольких сотен. У них весьма характерный обряд погребения: вытянутое на спине расположение костяка; обязательная ориентировка – головой на запад, очень редко – на юг, в деревянных гробах, колодах или в деревянных обкладках и др. Инвентарь всегда почти однообразен и четко делится на женский и мужской, что позволяет без затруднения определить пол погребенного» [12]. Действительно, для женских погребений характерны костяные иглы разных размеров, головные уборы, пуговицы,

наперстки, украшения – перстни, серьги, бусы и пр. В мужских погребениях находят стальные сабли, колчаны из дерева и бересты или кожи, наконечники стрел (чаще отдельно, но иногда и в колчанах), порою с остатками древков, железные кресала различных форм и кремни к ним, железные ножи, пряжки и пр.

Важным характерным признаком для курганов такого типа являются индивидуальное захоронение, отсутствие (за редчайшим исключением) керамических сосудов и абсолютное отсутствие конской сбруи. Датировка преобладающего (даже подавляющего) большинства этих погребений определяется специалистами-археологами в рамках XIV–XVII вв. Исключение составляет мнение современных ингушских исследователей, суммарно датирующих все известные им некрополи поздним средневековьем (XVI–XVIII вв.) без уточнения этнической принадлежности. Однако оно ничем не мотивировано и не подкрепляется никакими фактами. Все имеющиеся источники отождествляют рассматриваемую территорию с кабардинским населением. Не учитываются, в частности, авторитетные утверждения Е.Н. Кушевой, Л.И. Лаврова, Е.И. Крупнова о том, что к концу XVII в. обычай насыпать курганы окончательно уходит из кабардинской погребальной культуры. Данный процесс был связан с началом закрепления ислама.

Перечисленные кабардинские некрополи являются самой восточной группой адыгских погребальных древностей на Северном Кавказе. Они изучены далеко не равномерно. Только Бамутские могильники представлены серией из 27 полностью расчищенных захоронений. В некоторых могильниках (Пседахский, Кескемский, Кантышевский, Назрановский, Али-Юртовский, Алхастинский, Нестеровский 2-й, Ачхой-Мартановский 1-й и 2-й) вскрыто лишь по два, три погребения. Прочие же раскопкам не подвергались, хотя вполне уверенно относятся к числу кабардинских по своему характерному внешнему облику. Всего же для более или менее детального исследования доступно около 50 кабардинских курганов. Основные Бамутские курганы изучены Е.И. Крупновым и Р.М. Мунчаевым, а вся наличная серия обследована с использованием статистико-комбинаторного метода Р.А. Даутовой. Применение последнего при анализе 50 исследованных курганов позволяет выделить наиболее характерные для данной территории признаки:

1) преобладание небольших земляных насыпей диаметром до 10 м и высотой до 0,8 м, захоронений в деревянных гробах, реже в колодах (при наличии могил с деревянной обкладкой и просто грунтовых ям);

2) индивидуальность захоронений; почти полное отсутствие (за исключением впускных погребений Кантышевского могильника) угольной или известковой подсыпки;

3) вытянутость костяков с преобладанием западной ориентировки.

В могильниках нет детских захоронений и только в четырех случаях твердо устанавливаются погребения женщин. Инвентарь немногочислен и почти одинаков по составу – железные ножи, поясные пряжки, наконечники стрел, реже – сабли, мало украшений и предметов быта. В 30 % исследованных погребений на территории современной Чечни и Ингушетии инвентарь отсутствует. Выделяются отдельные группы курганов, и даже целые могильники с локальными чертами, в целом подтверждающие сведения современников (Джорджио Интериано, Адам Олеарий, Николай Витсенен и др.) и мнение исследователей (В.П. Левашова, Е.П. Алексеева, А.Х. Нагоев и др.) о синкретизме верований позднесредневековых кабардинцев и позволяющие уточнить дату образования курганов, отнести их к XIV–XVII вв. В.Б. Виноградов акцентирует на интересном факте: часть кабардинских могильников располагалась внутри валов и эскарпов запустевших раннесредневековых городищ (Мурат-Барц, Хатой-Барц, Яндырка и др.). На каждом из наиболее крупных могильных полей отмечены выделяющиеся внушительные погребальные насыпи над захоронениями феодальной (княжеско-дворянской, представители которой являлись, по сути, и военачальниками) верхушки кабардинского общества (такие особенности захоронений феодалов встречаются на территории всей исторической Кабарды). Р.А. Даутовой отмечено абсолютное количественное преобладание мужских захоронений в кабардинских курганах бассейна р. Сунжа. Согласно С.Д. Шаовой [13], оно связано с особенностями полукочевого быта кабардинцев, когда на так называемой второй стадии кочевания «в походы шли только воины. Женщины, дети, старики, безлошадные бедняки, домашние рабы и рабыни... не участвовали в военных предприятиях». Именно эти процессы и отражаются, по мнению С.Д. Шаовой, в характере курганных могильников на восточной территории расселения кабардинцев позднего средневековья.

Рассмотрим подробнее восточнокабардинские курганные захоронения на примере наиболее крупных исследований, проведенных в Бамутском могильнике. Два Бамутских курганных могильника отличаются друг от друга. В первой курганной группе преобладают земляные насыпи, а во второй – булыжники. Насыпи первой курганной группы крупнее, в ней обычны деревянные колоды, а во второй их почти не было.

В курганах первой группы нет керамики и более редки находки оружия, чем в курганах второй группы. Однако черты сходства, выражающиеся в формах погребального сооружения и особенностях погребального обряда и могильного инвентаря, позволяют рассматривать обе группы как единый некрополь этнически однородного населения. По мнению Е.И. Крупнова и Р.М. Мунчаева, различия обусловлены принадлежностью курганных групп двум фамилиям, или родам. По нашему мнению, различия в курганных группах обусловлены иерархической принадлежностью. Из оружия в курганах в основном встречаются железные сабли и наконечники стрел 6 типов (с ромбовидной боевой частью; лавролистной формы; с удлинненно-ромбовидной боевой частью; граненной боевой частью; плоской ланцетовидной формы; срезни-двуугогие). Данные типы наконечников стрел имели широкое хождение в различных районах юго-восточной Европы с первой четверти XIII в. Аналоги Бамутских стрел встречаются во всех районах Черкесии [14]. Они датируются периодом с XIII по XV в. Причем все типы стрел характеризуют вооружение конницы XIV–XV вв. Приведенные факты еще раз помогают подтвердить датировку Бамутских курганов XIV–XV вв., вопреки безосновательным гипотезам некоторых отечественных авторов, относящих появление восточнокабардинских курганов к XVI–XVII вв. Найдены также длинные сабли (до 1,3 м) с утончающимся острым клинком и с искривленной рукоятью, треугольные железные пряжки от колчанов и портупей, предметы мужского обихода (короткие ножи, железные лировидные кресала). Женские украшения представлены шарообразными пуговицами, золочеными пуговицами, поясными наборами золоченых прямоугольных пластинок, украшенных стеклянными вставками и орнаментированных точечным и штампованным геометрическим орнаментом. Аналогии им можно найти среди утвари могильников под Пятигорском [15]. Особенности ряда Бамутских курганов ставят их ближе к родственным, но отличимым по некоторым элементам курганам субэтнических групп, представленных на Северо-Западном Кавказе (курганы так называемого Западночеркесского (Белореченского) типа). Характерные черты погребального обряда обоих Бамутских (и соседних им) курганных групп роднят их с абсолютно такими же подкурганскими захоронениями позднего средневековья из более западных районов Северного Кавказа вплоть до Прикубанья. Давно уже принято рассматривать общность между всеми этими курганскими группами (ритуал погребений, могильный инвентарь и даже редкие находки глиняной посуды) как верное доказательство принадлежности всех этих памятников единому адыгскому

народу, проживавшего на значительной части Северного Кавказа.

Как мы видим из приведенных археологических данных, значительное количество курганных захоронений обнаружено на территории Восточной Кабарды. Причем их высокая плотность там указывает на достаточно многочисленное кабардинское население. Не исследованы курганы в нижнем течении р. Терек, тянущиеся вплоть до Каспийского моря. По предварительному заключению Е.П. Алексеевой, они тоже являются кабардинскими [16].

Кабардинское население среднего и нижнего Притеречья практически исчезает уже в первой половине XIX в. В отечественной историографии по данному вопросу отсутствует единое мнение. Как полагает ряд отечественных исследователей, кабардинское население было вы-

теснено вайнахами. Однако тщательный анализ исторических фактов, свидетельствующих о многовековой феодальной зависимости ингушей, карабулаков и части чеченских племен от кабардинских князей, опровергают возможность военного противостояния вайнахов кабардинцам. Наиболее убедительными являются события, связанные с Кавказской войной. Рассматриваемая территория стала ареной первых кровопролитных сражений Кавказской войны. Население среднего и нижнего Притеречья в начале XIX в. больше всех пострадало от чумы, в результате которой сократилось в несколько раз. Многие кабардинцы вынуждены были укрыться в горах, где смешались с вайнахами. Указанные факторы стали естественной причиной исчезновения кабардинского населения среднего и нижнего Притеречья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонович В.Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1979 г. // Археологический съезд в Тифлисе. Труды предварительных комитетов. – М., 1882. С. 217–270. Табл. III–IV.
2. Беренштам В.Л. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе // V археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. – М., 1882. С. 287–300.
3. Долбежев В.И. Извлечения из отчета о раскопках в 1898 г. // ОАК за 1898 г. – СПб., 1901. С. 157–162.
4. Грен А.Н. Отчет археологической комиссии (ОАК) за 1902 г. – СПб., 1904. С. 149.
5. Круглов А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. – Грозный, 1936. С. 3–31.
6. Крупнов Е.И. Археологические памятники Ассиновского ущелья. – ТГИМ. Вып. 12. – М., 1941. С. 188. Его же. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области. КСИ-ИМК. Вып. XXXVII, 1950. С. 85–100.
7. Крупнов Е.И. Древности Чечено-Ингушетии. – Москва, 1963.
8. Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // ДЧИ. – М.: Наука, 1963. С. 217–242
9. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. – Грозный, 1966. С. 55.
10. Даутова Р.А., Мамаев Х.М. Археологические памятники средневековья у сел. Али-Юрт (Чечено-Ингушетия) // СА, 1979. № 2. С. 221–226; Даутова Р.А. Кабардинские курганы на территории Чечено-Ингушетии // Тезисы докладов XII Крупновских чтений. – М., 1982. С. 34–36.
11. Виноградов В.В. Время, горы, люди. – Грозный, 1980. С. 32–35.
12. Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость // АЭС. Т. II. – Грозный, 1969. С. 55–72; Багаев М.Х. Кабардинские курганы на р. Фортанге (ЧИ АССР) // Вестник КБ НИИ. Вып. 5. – Нальчик, 1972. С. 49–50.
13. Шаова С.Д. Следы пребывания кабардинцев в топонимии Ингушетии и Чечни // Вопросы северокавказской истории. Вып. 5. – Армавир, 2000. С. 27–30. Ее же. Из истории изучения кабардино-вайнахских взаимоотношений XVI–XVIII вв. // Вопросы северокавказской истории. Вып. 6. Часть II. – Армавир, 2001. С. 31–37.
14. Левашева В.П. Белореченские курганы. ТГИМ. Вып. XXII, 1953. С. 165.
15. Очерки истории Адыгеи. – Майкоп, 1957. С. 252.
16. Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. С. 44.

